

**Е. Ф. Фурсова**

*Институт археологии и этнографии СО РАН  
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет  
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

*mfl1@mail.ru*

**ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ  
СТАРООБРЯДЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ БЕЛОРУССИИ  
КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК  
(ПО МАТЕРИАЛАМ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА) \***

Актуальность разработки проблем общего и регионального, внутреннего содержания русских похоронно-поминальных обрядов, а также причин их многовариантности отмечалась в научной литературе. Настоящая работа представляет собой последовательное описание и анализ обычаев и обрядов, связанных с погребением и домашним поминовением, одной из локальных групп русских старообрядцев Васюганья – переселенцев с территорий современной Белоруссии начала XX в. На основе полевых данных автор делает попытку рассмотреть похоронно-поминальную обрядность васюганцев с привлечением этнографических материалов других старообрядческих групп Русского Севера, Урала, Западной и Восточной Сибири. Собранные экспедиционные материалы, кроме того, позволяют исследовать не только обычаи русских старообрядцев из Витебской, Виленской губерний Российской империи, но и привлечь материалы их соседей – переселенцев-белорусов. Контингент данных дает возможность выявить возникавшие при контактах на первичной и вторичной территориях проживания межэтнические взаимовлияния переселенцев из Белоруссии: русских старообрядцев и белорусов.

*Ключевые слова:* старообрядцы Сибири, похоронно-поминальная обрядность, запреты, «чистые и нечистые покойники», погребальный костюм, поминальный обед.

Многими исследователями убедительно доказано, что похоронная обрядность русского народа издревле сосредотачивала в себе архаичные верования, как дохристианского, так и раннехристианского происхождения. Следует, однако, признать, что этнографы недостаточно привлекали собранные в последние годы региональные материалы по этой составляющей жизненного цикла человека для решения собственно этнографических проблем, в их числе этнокультурного взаимовлияния, этногенетических ре-

конструкций и пр. Особенно полно были исследованы старообрядческие группы ряда районов Европейского Севера, Урала и Сибири (см.: [Куликовский, 1894; Неклепаев, 1903; Макашина и др., 1989; Бардина, 1990; Фурсова, 1998; Мотузная, 2004; Логинов, 2010] и др.), что может позволить в будущем осуществить сравнительный анализ на достаточно широком этнографическом материале. Попытка выявить причины множественности вариантов существования вариантов одного и того же обычая, проследить

---

\* Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект № 13-21-01004).

*Фурсова Е. Ф.* Похоронно-поминальная обрядность старообрядцев-переселенцев из Белоруссии как этнографический источник (по материалам XX – начала XXI века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 284–296.

механизмы внедрения новаций была принята по сибирским старожильческим материалам Л. М. Бережновой [1997].

В июле 2013 г. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН совместно с Белорусским культурным центром Новосибирской области была проведена экспедиция в Северную Барабу и Васюганье (Северный и Кыштовский районы Новосибирской области) с целью изучения фольклорно-этнографических традиций переселенцев из Белоруссии. Выбор места был обусловлен, прежде всего, интересами выявления основных компонентов народной культуры локальных групп населения, одной из которых является местная группа старообрядцев-беспоповцев. Компактная группа русских старообрядцев мигрировала в Сибирь из губерний Российской империи, административно относящихся ныне к Белоруссии, Литве и Латвии из-за недостатка земель в 1903–1919 гг. [Фурсова и др., 2003. С. 33–41]. При анализе этнографического материала автор исходит из предпосылки, что обычаи и обряды логично рассматривать как реальность исследуемого периода, как элемент культуры развивающегося во времени и пространстве народа, его образа жизни, а «не только как пережиток, причем, нередко, такого отдаленного прошлого, когда народ еще и не существовал как этническая общность» [Терюков, 1990. С. 3]. В этой связи весьма важно фиксирование интерпретаций ритуалов и причин их исполнения со стороны носителей традиций, что и было взято за основу при сборе этнографического материала.

В научной литературе высказывалось мнение о некотором различии похоронно-поминальных обрядов русских сторонников официального православия и старообрядчества [Кремлева, 1989. С. 249; Бардина, 1990. С. 178], однако, как показывают полевые материалы, существовали и локальные варианты среди сторонников старой веры [Фурсова, 1998; Белорусы в Сибири..., 2011. С. 86]. Типологически множество обрядов, связанных с погребением умершего человека и его посмертным поминанием, можно разделить на несколько циклов: во-первых, на подготовительные к погребению; во-вторых, погребальные и, в-третьих, поминальные обряды. Эти циклы, в свою очередь, делятся на ряд ритуалов, действий, в их числе магического и запретительного

характера. Аналогичным образом А. ван Геннеп выделял в похоронно-поминальных обрядах предварительные, промежуточные и окончательные стадии [2000. С. 138]. Идущие из глубины веков похоронные обряды известны и до сих пор исполняемы старообрядцами Васюганья, поэтому в процессе экспедиционных исследований удалось фиксировать их этнокультурную специфику. «Есть все основания предполагать, – справедливо писала этнограф И. А. Кремлева, – ...что обычаи и воззрения, составлявшие местное своеобразие бытовой культуры отдельных групп населения, восходят к некогда общему для всего русского народа древнему культурному пласту и в силу этого могут рассматриваться как черты, свойственные дохристианской религии русских или, может быть, всех восточных славян» [1989. С. 250].

В среде васюганских старообрядцев еще в середине XX в. в соответствии с верой в вечную жизнь после земного существования пожилые люди начинали готовиться к смерти, чтобы в «законном» виде предстать на суд Божий. Мужчины отращивали бороду, а женщины не обрезали волосы, те и другие готовили специальную одежду для собственного захоронения.

Первый цикл, связанный с подготовкой умершего к погребению, начинался сразу после смерти человека и продолжался три дня в доме умершего. Многие поколения васюганцев и раньше, и теперь по общерусскому обычаю после смерти сразу обмывают тело, пока оно не остыло (обычно отбор идет по половому признаку). По этому поводу потомок первых старообрядцев Е. В. Демчихина рассказывала: «...когда умирает человек, его обычно моют хозяйственным мылом и вот это мыло делят на такие кусочки, которые раздают тем, кто его обмывал. Мыли, например, пять человек, этот кусок надо разделить на пять частей и каждому дать. А водичку вылить куда-нибудь в уголок, но чтобы там не ходили, то есть в неходячее место на усадьбе». Обмывание, видимо, было связано с имевшим когда-то место поверьем о необходимости предстать на суд Божий «в чистоте», под которой подразумевалась не только духовная (согласно христианским правилам, исповедь, причащение), но и телесная составляющая. Обмывальщики, следовательно, играли и играют важную роль в обряде и обязательно

одариваются. Как следует из рассказа, одним предметам, которые использовались при обмывании, придавалось значение «нечистых», другим приписывались магические (лечебные) свойства. Сжигалась постель, на которой спал покойник (ранее она обычно делалась из соломы или сена). Вода выливалась в место, где она не могла нанести вред человеку или скотине. В посмертных заботах об умершем не было принято участвовать родственникам, поэтому приглашают посторонних людей. До сих пор бытуют представления, что отказываться от такого приглашения нельзя. Обмывальщицы и другие женщины, приходившие в дом, где умер человек, повязывали фартук «на наличку» (наоборот, чем обычно, изнаночной стороной). Заходившие в дом, обращаясь к умершему или кланяясь иконам, говорили: «Упокой, Господи, душу раба Божьего». По этому поводу старообрядцы, критикуя незнание некоторыми современниками поминальных обычаев, поясняют: «И потом, когда человек умирал, никогда не говорили: “Царство Небесное” – до сорока дней. Всегда говорили: “Упокой, Господи, душу раба Божьего или рабы Божией”».

В соответствии с религиозными представлениями, умершего необходимо было снаряжать должным образом, используя заранее заготовленный костюм и учитывая прижизненные пожелания на этот счет. Современный комплекс одежды, который показали пожилые женщины, включает: рубаху, сарафан-шубейку, саван, лестовку, пояс, два платка, простыню-«надгробницу». К одежде, например в рубахах, пришивали тесемки, которые не завязывали. Пояс располагался поверх сарафана, с перекинутыми концами по центру. По сравнению с погребальными комплексами, рассмотренными нами в этой группе в 1991–1993 гг., в подборе материалов наблюдается отступление от строгих правил. Современный погребальный костюм изготавливается из покупных материалов, встречаются шубейки и рубахи, сшитые из цветастых или пастельных тонов хлопчатобумажных тканей. Вместе с тем лестовку и саван все еще продолжают делать из белого льна, бязей, из-за отсутствия дмотканых тканей используют фабричные. В ходе экспедиционных исследований 2013 г. практически отсутствовали упоминания о ранее фиксировавшейся традиции шитья саванов после смерти (не зара-

нее, как другую одежду) [Фурсова, 1998. С. 90]. Сегодня встречаются саваны, сшитые из тюля в виде мешка с вырезом для лица.

Как и во многих других группах старообрядцев, весь погребальный костюм шьется живулькой (без завязывания узлов). Женщине накидывают на голову два платка, из которых нижний делают «на наличку», а верхний «лицом», но ни тот, ни другой не завязывают на узлы («Чтобы узлов не было», «Концы перекидывают справа налево») (рис. 1). Прически умерших женщин соответствовали их прижизненному семейному статусу: «Если умерла незамужняя девушка, одну косу плетут. Веночек не делают. У нас незамужние девушки и девочки одну косу носили и волосы не стригли. Женщины – две косы и сюда завязывали (показывает впереди головы. – Е. Ф.). Если девушка, то когда косу плетут, прядочки наверх кладут, а то вниз, когда женщина...» (Е. В. Демчихина). К этим сведениям можно добавить слышанные нами ранее сообщения об обычае плетения девичьей косы женщине-вдове, прожившей благочестиво 25 и более лет. По мнению Ф. К. Пудовой, таких женщин следовало хоронить и помянуть девицами, т. е. приравнивать их к «Христовым невестам» [Там же. С. 91]. Эти этнографические данные находят подтверждение среди археологических материалов, например, Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. [Татаурова, 2010. С. 101].

В отличие от старообрядцев Среднего Приобья<sup>1</sup>, у васюганцев запрещалось хоронить умершего с украшениями, что касалось, прежде всего, женщин. Можно считать типичным такое высказывание пожилых людей: «На покойницу никаких украшений не надевали, не дай Бог, нет. Мама вообще украшений не носила, это большой грех. Это будет ящерица болтаться, вместо серёг. Это будет змея болтаться вокруг шеи, где бусы были. Не дай Бог. И обязательно штоб крестик был на смерть» (Е. В. Демчихина, Е. К. Прокофьева). Совершенно очевидно, что эти запреты были обусловлены рекомендациями христианской церкви с ее нацеленностью на аскетизм и самоограничение.

До сих пор местные сельские следят за тем, чтобы нательные кресты мужчин и женщин соответствовали их полу: у мужчин – кресто-

<sup>1</sup> Ср.: [Бардина, 1990. С. 176].



Рис. 1. Погребальные шубейку и головной убор показывает В. Х. Атопкина (фото автора, 2013 г.)

образный, у женщин – ромбовидный. Этому обычаю следуют и при приготовлении умершего к загробной жизни. Кресты вешают на длинной веревочке. Хотя сегодня в повседневном быту используется белье, на покойницу по ее просьбе до сих пор не надевают мужскую поясную одежду – штаны. «Женщина не носила ни плавки, ни трусики, ни штаны. Ни зимой, ни летом. И на покойницу не надевали. Большой грех», – утверждали пожилые женщины с. Северное. Хоронят без обуви, в тапочках, в том числе без задников. В одном из погребальных комплектов нам удалось увидеть в качестве обуви не покупные тапочки, но старинный вид «постолов», «поршней», сшитых из кожи. По-видимому, традиционные постолы пожилая женщина сберегла в соответствии с представлениями о необходимости обрядиться в не современную одежду, но одежду своих прадедов (рис. 2). Внизу гроба стелили сухие березовые листья.

Второй цикл – это собственно похороны. Проводы умершего из дома и похороны, согласно издавна заведенному обычаю, должны пройти до обеда, т. е. в двенадцать часов дня. Строгие временные рамки похорон были связаны с необходимостью садиться за поминальный стол в четырнадцать часов. Эти временные ограничения совпадали с описанными для других старообрядческих групп, например «поляков» Алтая [Мотузная, 2004. С. 289]. В Васюганье в довоенные годы покойника носили на кладбище на специально приготовленных жердях, связанных полотенцами (рис. 3). Вот что об этом вспоминал С. Г. Осипов: «И когда покойник, делали у нас две жерди... И несли покойника на них (на жердях). Это сейчас на машинах. Гробы не обивались (тканью)». Обычай транспортировки гроба с использованием положенных на плечи жердей фиксировался нами и в других старообрядческих группах, например у семейских



Рис. 2. Женская кожаная обувь из погребального комплекса В. Х. Атопкиной (фото Е. Ф. Фурсовой, 2013 г.)

Забайкалья [Белорусы в Сибири..., 2011. С. 84]. Возможно, этот обычай синонимичен транспортировке на сани, причем в любое время года, который отмечался исследователями в качестве древнего славянского обряда [Котляревский, 1868. С. 222; Нидерле, 1924. С. 232; Чистов, 1987. С. 413].

При выносе и транспортировке покойника к кладбищу впереди с распятием или с иконой шел мальчик, реже взрослый. При этом ему повязывали на шее платок, заводили под него руки и, таким образом, поддерживали распятие (крест) или икону: «...а вот Бога, Бога распятьё. Завязывают вот так платочек с шеи, руки вот так кладут, сюда платочек кладут на руки и сюда ставят распятьё (к груди) и несут». Сообщение С. Г. Осипова: «Вот так ставилась икона, распятьё или там Матерь Божья, и вот так он нёс её, и сзади шла вся похоронная процессия. Платочек брали белый...» Платок отдавали тому, кто нес распятие. «Тому, кто несёт, обязательно отдавали. Нет, не икону. Икону чё отдавать, только платок». Выноса тела с крестным ходом, когда перед гробом несут крест, соответствует чину отпевания, сложившемуся в Русской православной церкви примерно в середине XVII в. [Нефедов, 2002. С. 224, 241].

Местные селяне считают, что раньше гроб носили на кладбище в открытом виде,

а теперь его стали закрывать. При подходе к кладбищу вначале останавливались у ворот и кадили кацеей. «Кадило. Она на ручке, такая красивая. Туда кладутся воск, уголёчки и несут. Гроб принесут к воротам, поставят, покадят со всех сторон крестообразно и поют: “Святой Боже, Святой крепкий, Святой, помилуй нас”, три раза».

У могилы родственники умершего имеют последнюю возможность для прощания, которое происходит в форме причитания и плача. Перед опусканием гроба в могилу кадили кацеей, делая крестообразные движения. При этом гроб обходили по солнцу три раза. Сейчас опускают гроб в могилу при помощи веревок, но еще есть семьи, которые заготавливают для этих целей белое полотно. Приведем сообщение пожилых людей: «...вот мы хоронили, вот наши предки, использовали полотно. Полотно было белое, метра там три – четыре. Гроб опускали, вот именно, на белом полотне, и это полотно потом резали и отдавали, отдавали тем, кто копал могилу, копальщикам». Особый статус копальщиков подтверждался не только тем, что им раздавали это полотно кусками, но и получением вещей умершего: «И старались вещи какие-то умершего отдать». Встречались сообщения, что, помимо полотна, готовили и раздавали полотенца, например: «Полотно было метров двенадцать, а ещё два рушника. Их было четыре человека (копальщиков). Каждому копальщику давали полотна три метра, два рушника. И на крест привязывали полотенце, отдельно уже. Можно вышитое. Когда уже уходили» (Е. В. Демчихина). Приведем еще высказывания: «Делили полотно так. Четыре человека копали. Мы стоим вот так (показывает): два здесь, два здесь. И на этих полотенцах опускали гроб. Культурненько опустили гроб, достали эти полотенца. Начали забрасывать гроб (землёй) и полотенца эти делили. Как делили, на сколько метров? Ну, например, шесть метров с этой стороны. Ему три метра и мне три метра. Копали четыре человека минимум, но может быть и больше» (С. Г. Осипов, И. Г. Осипов); «Давали тем, кто копал, и обязательно одно полотенце на крест. Вот, например, шесть человек копали, на всех делим, и одно обязательно было на кресту» (В. Х. Атопкина).

Из данных интервью можно сделать вывод о приоритете четного числа копальщиков (четверо, шестеро), так как нечетное



Рис. 3. Похороны в дер. Бергуль Северного района Новосибирской области, 1970-е гг.  
(фото из личного архива автора)

число хотя и упоминалось информаторами, однако редко и, как правило, неуверенно. «Одни копают, другие отдыхают. Шесть человек, чтобы быстрее выкопать». Еще сообщение: «Раньше люди работали. Сколько найдут, столько и копают». У васюганцев копали яму как в день похорон, так и накануне. Если яма выкапывалась заранее, то ее оформляли особым образом: «У нас, если яму выкопают сегодня, а примерно, хоронить будут завтра, лопаты оставляют и кладут их крест-накрест». Родственникам, считалось, копать могилу нельзя во избежание новых утрат.

Покойника в могильную яму опускали по христианскому обычаю головой на запад (см.: [Древности Белозерья, 2010. С. 76]). «Гроб обходили по солнцу три раза, конечно. И гроб у нас ставят к востоку. Ноги на восток, голову туда (на запад). Потому что, ну, люди живут, там все люди живые, а тут уже другой мир, гроб ставят. Например, немцы ставят голову в обратную сторону (голова на восток)» (С. Г. Осипов). В этих рассуждениях ясно прослеживаются представления о двух мирах – восточном и западном, мире живых и мире мертвых.

В процессе интервьюирования выяснилась интересная деталь, не отмечавшаяся

другими исследователями ни по материалам Сибири, ни Европейской России. Это связано с обычаем пребывать на похоронах женщинам в головных уборах, а мужчинам – с непокрытой головой, вне зависимости от времени года. У васюганцев, однако, в холодные зимы копальщикам и всем остальным мужчинам традиция разрешала повязывать на голову платок по-женски, под подбородком. Приведем воспоминания С. Г. Осипова: «...раньше хоронили и зимой и летом, обязательно мужчины все без головных уборов, без шапки. И если холодно, значит, мужчины одевали платки. Я сам помню, хоронили бабушку в марте месяце, холодно, и мне мать завязала платок (показывает, как завязывают под подбородком)».

Относительно приготовления могильной ямы бытует ряд представлений, например, о необходимости угощения копальщиков стопкой водки. «Когда отправляли копать копальщиков, им показывали место. Вот здесь и здесь. Вот я, допустим, пришёл: “Вот здесь копать”. Ну, если зимой, конечно, давали согревательное, чтоб быстрее. Кусок сала, чарку давали, конечно. И, ребята, сделайте как можно побыстрее. Водку в пределах нормы». Многие сельские мужчины, как правило, обладают знаниями отно-

сительно правил приготовления могилы. «Я копал. Делали на земле пять вот этих лопат по ширине, десять – длина. Короче, у нас один метр на два могила. И копали мы метр восемьдесят – два метра в глубину. Начинали с разметки».

Оформление могильного холмика было достаточно единообразно: ставили крест, на который повязывали полотенце, обкладывали пластами травы с землей («дёрном», «дерваном»), могли положить цветы. Имели место также сообщения, что дерном обкладывали могильных холм по прошествии некоторого времени, после усадки: «А потом, когда могила “сядет”, обкладывали пластами. Резали пласты с травы, обкладывали красиво, а здесь срединку оставляли».

Третий цикл – поминальный. Погребальная обрядность тесно связана с поминальной, которая завершает весь процесс похорон и проходит сразу после захоронения в доме умершего. Основная цель поминальных обрядов, по мнению ученых, заключается в обеспечении лояльности мертвых к живым, покровительстве со стороны умершего (предка) и обеспечения постоянно функциональной связи между живыми и мертвыми [Терюков, 1990. С. 15]. Из сообщений современных информаторов также следует, что, заботясь о достойных похоронах усопшего, родственники думают, будто тем самым «угождают ему» и помогают войти в Царствие Божие.

У васюганских старообрядцев, как и в целом ряде других этнокультурных и этноконфессиональных групп, отсутствовала или считалась греховной поминальная трапеза с хмельным угощением. До настоящего времени сохраняется развитый ритуал поминок: так, первый поминальный стол проводится, как и повсеместно, в первый день после похорон. Возвратившись с кладбища, все участники похорон обязательно моют руки: «Стоит (рукомойник) с водой, все моют руки, полотенцем вытирают. Стол накрывают полотном». Еще одно сообщение: «Даже в ворота когда заходят, в калиточку, руки моют. В калиточке моют, пошли» (Ф. К. Пудова).

Последовательность усаживания за поминальный стол стойко сохраняется: первых усаживают копальщиков, потом знакомых и соседей, за последним столом садятся родственники. Это свидетельствует о том, что поминки проводились в качестве жертвен-

ного обеда с целью угощения, по возможности большего числа людей, включая не родственников. Если относительно приоритета за поминальными столами копальщиков расхождения мнений не наблюдалось, то по отношению к остальным участникам можно услышать разные трактовки. «Копальщики первые. Родственники садятся за последний стол. Мужчины и женщины садились вместе», «Нет, в одном уголке мужики, в другом женщины садятся», «Обычно говорят: “Давайте, сначала накормим мужиков, копальщиков”. Они садятся, кто где сядет». Приведем еще высказывания на этот счет: «В принципе, они садились с одной стороны, друг с другом, а с другой стороны садились те, которые свободные мужчины, но не близкие родственники. Ну, знакомые, если место есть. Если места нет, то женщины садились потом вторым заходом».

Качественный состав пришедших на поминки во многом зависел от половозрастной принадлежности покойника. Если хоронили пожилых людей, то не приглашались и не участвовали в трапезе дети или подростки, если хоронили детей, то малолетним друзьям умершего собирали отдельный стол. Аналогичным образом на поминки молодого парня или девушки приглашались его сверстники. Приведем примеры высказываний на этот счет: «Нет, пятилетнего вперед не посадят, а молодежь, она обычно не идет за стол поминать... Дети не поминали за столом никогда. Детям поменьше выносили в деревнях родственники умерших конфеты, блинчики, постряпушечки и всё. Это вот в моей деревне, где я жила, так было. У нас детей за стол не садили. А другое дело, когда кто-то из детей умирал, маленькие дети. Там для детей накрывался отдельный стол. А со взрослыми никогда не садились». Или: «Ну, а сейчас садятся молодые парни, поминают молодого парня. Его друзья. А если поминают старую бабушку, молодые там не ходят».

Поминальный стол застилали скатертью («скатёрка») наизнанку, «на наличку». Заметим, что если эта же скатерть использовалась на свадьбе, то клалась «на лицо», т. е. вышивкой, вверх. На поминальном столе должен присутствовать набор блюд, считающихся обязательными: пшеничная кутья, ягодный кисель, блины (раньше из гороховой муки), яичница («яишница»). Начиналась трапеза после того, как духов-

ные наставники прочтут поминальные молитвы и сядут за стол. Перекрестившись, каждый говорил слова молитвы<sup>2</sup> и брал по три ложки кутьи (больше считалось нельзя)<sup>3</sup>. Кисель варили густым, почему и ели его ложками, а подавали на стол в общих чашках. Обычай приготовления густого киселя фиксируется в других старообрядческих группах, например на Северном Урале, Русском Севере, Водлозерье [Макашина и др., 1989. С. 301; Логинов, 2010. С. 384]. За столом ждали, пока все поедят, и выходили все вместе, как и садились, со словами благодарности «Спаси, Господи».

Сразу после трапезы убирали посуду. Если поминальный обед совершался на нескольких столах, то ставили чистую посуду для вновь прибывших помянуть. Последними оставались родственники и убиравшие столы, которые помогали хозяевам. «А последний заход, хозяева моют, родственники остаются. Остаются обслуга и убирают столы».

По словам В. Х. Атопкиной, раньше, когда некоторые люди жили бедно, то они часто довольствовались подаренными («поданными») им вещами умершего. Вещи раздавали в первую очередь готовившим поминальный обед, читавшим молитвы у гроба и пр. «Если люди жили бедно, то за стол почти не садились, а давали вещи. Если умерла бабушка, у неё есть несколько платков. Тем, кто сидел у гроба, давали какими-то вещами. Кто готовит – тоже. Платки да вещи какие-то». Или такое сообщение: «Какая-то шубейка осталась, какая-то муфта. У нашей мамы шубейка – это праздничная, а рабочая была юбка и блузка холщовая, рабочая». Предметы обуви, как и разные другие принадлежности костюма, согласно общерусской традиции, издавна употреблялись в качестве жертвенных приношений [Зеленин, 1913. С. 13, 15]. Тот факт, что жертвоприношением часто становилась старая обувь, интерпретируется в том смысле, что она предназначалась «для перехода покойников в потусторонний мир» [Там же. С. 14]. В полевой практике нам встречались случаи, когда вместе с умершим клали в гроб

обувь или иные принадлежности одежды, но для другого, прежде умершего человека. Однако это делали только тогда, когда во время похорон забывали что-либо одеть или испытывали беспокойство во сне («приходил, просил согреть» и т. п.). Информаторы вспоминали, что когда однажды хоронили мужчину, то теща надела ему новые лакированные ботинки, но после этого он стал ей сниться и «жаловаться, что обувь жмет ноги». Старообрядческие наставники, узнав, что при жизни зять носил кроссовки, посоветовали положить их на могилу и прикопать землей (или положить в гроб очередному покойнику).

Заметим, что в исследуемой группе старообрядцев, как и повсеместно у русских людей, придерживались обычая упрощения похоронных обрядов человека, самовольно ушедшего из жизни. «Когда человек утоп или повесился, о нём никто не поёт, не отпевает. Ну, там свои похоронили, и всё». Некоторые информаторы утверждали, что такие покойники не только лишались многолюдных почестей, но их и хоронили на кладбище отдельно. По мнению Д. К. Зеленина, настороженное отношение к «заложным покойникам вызвано тем, что с самого часа своей смерти те находятся в распоряжении у нечистой силы... кое-кто становится кикиморами, русалками, лешими, водяными...» [Неклепаев, 1903. С. 228; Зеленин, 1917. С. 399]. В старину такая категория умерших лишалась не только поминания, но даже погребения, потому как, в представлениях древних славян, «Земля гневалась и не принимала нечистый труп» [Зеленин, 1917. С. 402, 403].

Видимо, эта категория покойников представляла собой особую опасность для живых, так как в случае засухи васюганцы поливали их могилы водой. Приведем рассказ на этот счет: «А ещё и сейчас сохранилась традиция или обычай: если долго нет воды, дождя, то нужно принести с речки или там ложка сорок вёдер воды и полить на утопленника, на могилу утопленника, но чтоб не разговаривать. Надо прийти в двенадцать часов ночи на кладбище, а у нас в Бергуле рядом с кладбищем ложок. И я знаю, у меня мать несколько раз ходила с соседками и они на утопленника сорок вёдер (выливали). И действительно, потом шёл дождь. И молчали, должна быть «молчальная вода». Смысловое содержание этого не единожды

<sup>2</sup>«Упокой, Господи, душу раба Божьего».

<sup>3</sup> Кутью, или коливо, в соответствии с Церковным уставом, готовили из пшеницы с мёдом, но сейчас могут заменять пшеницу рисом [Нефедов, 2002. С. 250].

записанного нами обычая неясно информаторам.

В годы единоличного хозяйствования на могильные холмы по христианской традиции ставили кресты, с 1935–1937 гг. кресты стали заменять памятниками. Однако не все старообрядцы отошли от этого обычая, согласно завещаниям пожилых людей им продолжали ставить деревянные кресты еще в 1960-е гг. Приведем высказывания по этому поводу: «У наших стоят кресты, наша традиция. У меня дед умер в тридцать шестом или в тридцать седьмом. Крест сгнил, отец поставил другой. Бабушка умерла – и так всем крест. Ну, а уже отец умер восемь лет назад, ему поставили как фронтовику бесплатно, но мраморную плиту» (С. Г. Осипов).

Среди пожилых старообрядцев с Северное распространено мнение о том, что в последние два-три десятилетия появились новые обычаи, направленные на увеличение дней посещаемости родственниками кладбища. «Раньше ходили на кладбище раз в году. Теперь-то мы ходим чаще: и после Пасхи в Родительскую поминаем, и в Троицу ходим, поминаем». Наблюдается увеличение поминальных дней также в домашней обстановке, так как, помимо старинных поминальных дней после похорон и «сороковин» (на сороковой день), прибавились поминки на девятый день, полгода и год. «Схоронили, помянули, горячий обед – всё. Никаких девяти дней. И до сорока дней, вот, сороковины. Только сороковины делали. А теперь и полгода делают, и год делают. Теперь каждый день поминают, утром, в обед и вечером. Когда захотел, тогда и помянул». Старообрядцы считают, что увеличение поминальных дней связано не с намерением почтить память умерших и облегчить им участь на «том свете», но, скорее, с желанием лишний раз принять горячительные напитки<sup>4</sup>.

Живущие по соседству в Северном и Кыштовской районах Новосибирской области переселенцы-белорусы православного вероисповедания имели некоторые общие обычаи со старообрядцами из Витебской, Виленской губерний: обмывание умершего

мылом, подвязывание креста полотенцем «рушником», раздача разрезанных полотенец копальщикам, убиение могил дёрном (если хоронили зимой, то обкладывали весной, стараясь успеть до Радуницы). Полотенце с течением времени меняли на новое, предпочитая использовать для этих целей вышитое: «Вешали вышиванное, рушник вешали» (П. К. Буркова). На период пребывания дома, по общерусскому обычаю, умершего располагали головой в святой угол.

Однако различий между этими группами переселенцев из Белоруссии наблюдалось гораздо больше. Так, например, ощутима разница в атмосфере дома, где умер человек: у белорусских крестьян допускались шутки, смех. По этому поводу информаторы поясняли: «Вечером приходят, поят чаем их. Чай попили, посадили и сидят. Сидят и поют, и молитвы читают, и анекдоты щас уже. Смех там и слёзы... Нет, не выпивали. Пили чай» (П. М. Сенцова). В старообрядческих семьях меньше уделяли времени чтению молитв: «Пять часов отмолятся и пошли домой. Кто-то маленько отдохнёт, кто-то управиться со скотиной уходит. Остаётся одна родня». Кроме того, белорусы наряжали умершего в венчальный костюм или, за неимением его, в новый, приобретенный в магазине. Редко встречались упоминания о транспортировке гроба на руках, как правило, указывались средства передвижения (сейчас машины). Система обмеров также имела некоторые отличия, так, подчеркивалась необходимость выноса тела через широко открытые ворота, после чего их плотно закрывали и присутствовавшие выходили через калитку. Чтобы не бояться покойника, как считалось, надо взяться за его ноги, сесть на лавку, на которой стоял гроб. Кроме того, у белорусов развит обычай прощания с усопшим, исполнявшийся торжественно несколько раз при выносе тела: «Выносят во двор, ставят на тубаретки гроб – перед воротами. В воротах ставят гроб. Во дворе ставят. Становятся все родственники перед гробом в воротах на колени и просят прощения. Просим прощения, вот, в ноги, кланяемся в землю. Поднимаемся, гроб выносят за ворота» (П. М. Сенцова).

Информаторы вспоминали, что лет тридцать назад еще делали в могильной яме «полати», т. е. настил из досок над гробом. Приведем высказывание и местную интер-

<sup>4</sup> Церковный Устав упоминает о поминовении в 3, 9, 40-й дни по кончине. Иногда выделяется как особый поминальный 20-й день [Нефедов, 2002. С. 258].

претацию на этот счет: «Для чего полати над гробом делали? У нас очень редко полати делали. Говорят, делали полати, если человек уже сильно любит какого-то родного, чтобы вот земля не на гроб как бы насыпалась. Они же потом подгнивают и проваливаются. Сначала полати, а потом уже землю сыплют» (П. К. Буркова). Вероятно, этот почти забытый обычай восходит к языческой славянской традиции устраивать посмертное жилище или дом. По данным археолога и этнографа А. А. Котляревского, такого рода могилы действительно обнаружены на пространствах, заселенных славянскими племенами [1868. С. 239]. После похорон первые поминки устраивали на могильном холме (поверх скатерти), пели «погребальные песни» (информаторы не помнят), ходили на кладбище на второй день после захоронения – этим белорусские соседи также отличались от старообрядцев. Твердо установленными поминками были 3-й, 9-й, особенно 40-й дни, в качестве поминального блюда, помимо прочего, подавали «латки в сметане».

Таким образом, налицо совпадение и различие деталей похоронно-поминальных обычаев как в разных старообрядческих группах, так и между сторонниками официального православия и староверия из белорусских земель. Например, в одних старообрядческих группах умершего обмывали с мылом, в других только водой, где-то поминали кутьей и блинами, где-то одной кутьей, также взаимно заменялись жидкие блюда: в одних местах это были кисели, в других – компоты или квасы [Макашина и др., 1989. С. 296; Мотузная, 2004. С. 288; Белорусы в Сибири..., 2011. С. 86]. Еще в середине XX в. васюганцы выделялись сокращенным вариантом поминальных сроков, включавших поминки только на третий и сороковой дни после смерти. Заметим, что, несмотря на Церковный устав и тот факт, что дни поминовения усопших происходят из первохристианской древности, эти поминки различались по разным регионам порой довольно значительно (не везде отмечают 20-й день, полгода, три года и пр.). Оригинальны полученные от васюганцев данные относительно различий в использовании лицевой и изнаночной сторон одежды, скатерти в похоронном обряде, допустимости подвязывания мужчин женскими платками во время похорон. Этим белорусские пере-

селенцы выделялись на фоне старообрядцев Северного Урала, Алтая, Русского Севера (ср.: [Макашина и др., 1989. С. 296; Мотузная, 2004. С. 288; Логинов, 2010. С. 366, 384]).

Вместе с тем следует отметить, что общих обычаев между старообрядческими группами наблюдается значительно больше: предварительное приготовление погребальной одежды задолго до смерти, как правило с саваном, обычаи несения умершего на руках (при помощи жердей, носилок), охрана могильной ямы, расположение головой на восток, подвязывание полотенец на могильных крестах, разделение умерших на «чистых и нечистых покойников», приготовление поминальных блюд (кутьи), жертва-«милостыня» одеждой умершего и полотенцами, приборка дома после выноса тела усопшего и пр. Долбленные гробы в настоящее время делают только в отдельных случаях по просьбам пожилых людей, но память многих старообрядцев сохранила гроб-«долблёнку» как «законный».

Комплекс похоронных обрядов представляет собой синкретичное сочетание остатков культа мертвых, культа предков, ранних христианских традиций и предписаний. Различное отношение к обстоятельствам смерти, согласно православной традиции, было настолько велико, что это влияло на тот или иной вариант погребального обряда. Повторяемость многих нехристианских обычаев в разных локальных группах русских людей свидетельствует, что они не принадлежат к узкой традиции, а некогда имели общерусское распространение. Однако понять исконный смысл многих из их числа на данном уровне развития науки невозможно. Вероятно, многие проблемы удастся решить при сравнении похоронной обрядности большего числа различных старообрядческих групп Сибири, Урала и Европейского Севера.

### Список литературы

*Бардина П. Е.* Материалы о похоронно-поминальном обряде русского населения Среднего Приобья в конце XIX – первой четверти XX в. // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 166–178.

Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.

*Бережнова М. Л.* Погребальный обряд русских старожилов Среднего Прииртышья // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1997. Т. 2. С. 163–177.

*Геннеп ван А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

Древности Белозерья. Вологда: Древности Севера, 2010. 96 с.

*Зеленин Д. К.* Русские народные обряды со старой обувью // Живая старина. 1913. Вып. 1–2. С. 13–15.

*Зеленин Д. К.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Изв. Академии наук. Пг., 1917. № 7. С. 399–414.

*Котляревский А. А.* О погребальных обычаях языческих славян. М.: Синод. тип., 1868. 308 с.

*Кремлева И. А.* Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 248–264.

*Куликовский Г. И.* Похоронные обряды Обонежского края // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 4. С. 411–422.

*Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 424 с.

*Макашина Т. С., Кремлева И. А., Листова Т. А.* Семейные обряды // На путях из Земли Пермской в Сибирь. М.: Наука, 1989. С. 222–308.

*Мотузная В. И.* Похоронная обрядность населения Солонешенского района // Солонешенский район. Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 288–291.

*Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края. Этнографический очерк // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1903. Кн. 30. С. 29–230.

*Нефедов Г.* Таинства и обряды Православной Церкви. М.: Паломник, 2002. 319 с.

*Нидерде Л.* Быт и культура древних славян. Прага: Пламя, 1924. 287 с.

*Седакова О. А.* Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник. М.: Наука, 1983. С. 246–262.

*Татаурова Л. В.* Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья по материалам комплекса Изюк-1. Омск: Изд-во «Апельсин», 2010. 283 с.

*Терюков А. И.* Похоронно-поминальная обрядность коми-зырян (вторая половина XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 24 с.

*Фурсова Е. Ф.* Одежда жизненного пути (по материалам старообрядцев-федосеевцев Васюганья) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. 1998. № 3. С. 86–92.

*Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И., Фурсова М. В.* Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск: Изд-во «Агро-Сибирь», 2003. 275 с.

*Чистов К. В.* Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. С. 396–416.

#### Список информаторов

Атопкина Варвара Харитоновна, 1938 г. р., пос. Северное Новосибирской области.

Буркова Прасковья Киреевна, 1932 г. р., род. в дер. Колбаса Кыштовского района Новосибирской области.

Демчихина (дев. Хмелева) Евдокия Васильевна, 1935 г. р., пос. Северное Новосибирской области.

Осипов Иван Григорьевич, 1942 г. р., род. в дер. Бергуль Северного района Новосибирской области.

Осипов Сергей Григорьевич, 1957 г. р., род. в дер. Бергуль Северного района Новосибирской области.

Прокофьева (дев. Степанова) Евдокия Карповна, 1914 г. р., род. в дер. Макаровка Кыштовского района Новосибирской области.

Пудова (дев. Иванова) Феодосья Конофеевна, 1910 г. р., род. в дер. Макаровка Кыштовского района Новосибирской области.

Сенцова Полина Михайловна, 1958 г. р., род. в дер. Колбаса Кыштовского района Новосибирской области.

**E. F. Fursova**

*Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS  
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*mf11@mail.ru*

**FUNERAL AND MEMORIAL RITES  
OF OLD BELIEVERS IMMIGRANTS FROM BELARUS  
AS ETHNOGRAPHIC SOURCES  
(MATERIALS XX – EARLY XXI CENTURY)**

*Purpose:* Relevance of general and regional problems, appearance and internal contents of Russian funeral ceremonies, the reasons for their multi-variant observed many times in the scientific literature. This work is devoted to a systematic description and analysis of the customs and rituals associated with the burial and commemoration at home, one of the local groups of Russian Old Believers Vasyugan'e – migrants from the territories of modern Belarus in the early twentieth century.

*Results:* On the basis of field data by making an attempt to consider funeral rites of vasyugantsev's ethnographic materials involving other groups of Old Believers in Russian North, the Urals, Western and Eastern Siberia. Collected materials, moreover, allow us to investigate not only data on the Russian Old Believers from Vitebsk, Vilna Russian provinces early XX century, but also their neighbors immigrants-Belarusians. Consequently, the contingent data enables us to trace not only the interaction between the different groups of the Old Believers, but also reveal interethnic contacts and influence.

*Conclusion:* Along with differences in some detail, we note that the common traditions between the Old Believer groups tend to have significantly more. It is preliminary preparation of the burial clothes long before death, usually with a shroud, customs objection died at the hands (using poles, stretchers), protection of the pit, the location of the head to the east, tying towels on grave crosses, victim-«charity» by clothing of the deceased and towels, tidy house after the removal of the body of the deceased, etc. Different attitudes to the circumstances of the death, the separation of the dead on the «clean and unclean dead», according to the Orthodox tradition, was so great that it is influenced by one or another version of the funeral rite that persists to this day. Dugout coffins currently make only in a few cases at the request of the elderly, but the memories of many Old Believers preserved coffin «chipped» as «legitimate». The most noticeable differences between the supporters of the official Orthodoxy and the Old Believers, but here they are vary within a single all-Russian type. Repeatability of many non-Christian traditions in various local Russian groups shows that they do not belong to a narrow tradition but once had all-Russian distribution.

*Keywords:* believers Siberia, funeral and memorial rites, taboos, «clean and unclean dead», funeral suit, a memorial dinner.

**References**

Bardina P.E. Materialy o pokhoronno-pominal'nom obryade russkogo naseleniya Srednego Priob'ya v kontse XIX – pervoi chetverti XX v. [Materials about the Funeral and Memorial Ceremony the Russian Population in the Middle Ob at the End of XIX – the First Quarter of the XX Century]. *Obryady narodov Zapadnoi Sibiri [Ceremonies of the people of Western Siberia]*, Tomsk, 1990, p. 166–178. (in Russ.)

Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoi kul'tury [Belarusians in Siberia: the preservation and transformation of ethnic culture]. Novosibirsk, IAET Publ., 2011. 424 p. (in Russ.)

Berezhnova M. L. Pogrebal'nyi obryad russkikh starozhilov Srednego Priirtysh'ya [Obsequies of the Russian Old Inhabitant of Middle Irtysh]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы [Ethnography and Archaeological Complexes]*. Novosibirsk: Nauka, 1997, p. 163–177. (in Russ.)

Chistov K. V. Semeinye obryady i obryadovi fol'klor [Family Rituals and Rite's Folklore]. *Etnografiya vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoi kul'tury* [Ethnography of Eastern Slovenian. Sketches of Traditional Culture]. Moscow, Nauka, 1987, p. 396–416. (in Russ.)

*Drevnosti Beloz'er'ya* [Antiquities of Beloz'erja]. Vologda, Antiquities of North Publ., 2010, 96 p. (in Russ.)

Fursova E. F. Odezhda zhiznennogo puti (po materialam staroobryadtsev-fedoseevtsev Vasyugan'ya) [Clothing of Life Cycle (Based on the Fedosei Old Believers of Vasyugan)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia. Series: Archaeology and Ethnography]. Novosibirsk, 1998, no. 3, p. 86–92. (in Russ.)

Fursova E. F., Golomyanov A. I., Fursova (Vasekha) M. V. *Staroobryadtsy Vasyugan'ya: opyt issledovaniya mezhkul'turnykh vzaimodeistvii konfessional'no-etnograficheskoi gruppy* [Old Believers of Vasyugan: Research Experience of Intercultural Interactions in Confessional Ethnographic Group]. Novosibirsk, Agro-Siberia Publ., 2003, 275 p. (in Russ.)

Genep van A. *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rituals of Transition. Systematical Research of Rites]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2002, 198 p. (in Russ.)

Kotlyarevskii A. A. O pogrebal'nykh obychayakh yazycheskikh slavyan [About the Burial Customs of the Pagan Slavs]. Moscow, 1868, 308 p. (in Russ.)

Kremleva I. A. Ob evolutsii nekotorykh arkhaisnykh obychaev u russkikh [On the Evolution of Some Archaic Customs in Russian]. *Russkie: semeinyi i obshchestvennyi byt* [Russian: Family and Social Life]. Moscow, Nauka, 1989, p. 248–264. (in Russ.)

Kulikovskii G. I. Pokhoronnye obryady Obonezhskogo kraia [Funeral rites of Onega Territory]. *Olonetskii sbornik* [Olonets Collection]. Moscow, 1894, vol. 4, p. 411–422. (in Russ.)

Loginov K. K. *Traditsionnyi zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozer'ya: obryady, obychai i konflikty* [Traditional Russian of Vodlozerie Lifecycle: Rituals, Customs and Conflicts]. Moscow, Petrozavodsk, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2010, 424 p. (in Russ.)

Makashina T. S., Kremlyova I. A., Listova T. A. Semeinye obryady [Family Rituals]. *Na putyakh iz zemli Permskoi v Sibir'* [On the ways of Earth Perm in Siberia]. Moscow, Nauka, 1989, p. 222–308. (in Russ.)

Motuznaya V. I. Pokhoronnaya obryadnost' naseleniya Soloneshenskogo raiona [Funeral Rites of the Population in Soloneshensky District]. *Soloneshenskii raion. Ocherki istorii i kul'tury* [Soloneshensky District. Sketches of History and Culture]. Barnaul, 2004, p. 288–291. (in Russ.)

Nefedov G. *Tainstva i obryady Pravoslavnoi tserkvi* [Sacraments and Rites of the Orthodox Church]. Moscow, Pilgrims Publ., 2002. 319 p. (in Russ.)

Neklepaev I. Ya. Pover'ya i obychai Surgutskogo kraia. Etnograficheskii ocherk [Beliefs and Customs of the Surgut Region. Ethnographic Sketch]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. St.-Petersburg, 1903, book 30, p. 29–230. (in Russ.)

Niderde L. *Byt i kul'tura drevnykh slavyan* [Life and Culture of the Ancient Slavs]. Prague, 1924, 287 p. (in Russ.)

Sedakova O. A. Materialy k opisaniyu poleskogo pogrebal'nogo obryada [Materials to the Description of the Poles'e Funeral Rite]. *Poleskii etnolingvisticheskii sbornik* [Ethnolinguistic Collection of Poles'e]. Moscow, Nauka, 1983, p. 246–262. (in Russ.)

Tataurova L. V. *Pogrebal'nyi obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya po materialam kompleksa Izyuk-1* [Obsequies of Russian in Average Irtysh by Materials of Izyuk-1 Complex]. Omsk, Orange Publ., 2010, 283 p. (in Russ.)

Teryukov A. I. *Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' komi-zyryan (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. Avtoref. diss. kand. istor. nauk* [Funeral and Memorial Rites of Zyryan Komi (Second Half of XIX – Beginning of XX Century)]. PhD hist. Sci. Diss. Leningrad, Kunstkamera, 1990, 24 p. (in Russ.)

Zelenin D. K. Drevnerusskii yazycheskii kul't «zalozhnykh» pokoinikov [Old Russian Pagan Cult «Hostage» Dead]. *Izvestiya Akademii nauk* [Proceedings of the Academy of Sciences]. Petrograd, 1917, no. 7, p. 399–414. (in Russ.)

Zelenin D. K. Russkie narodnye obryady so staroi obuv'yu [Russian Folk Rituals with Old Shoes]. *Zhivay starina* [Living Antiquity]. Moscow, 1913, iss. 1–2, p. 13–15. (in Russ.)